

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ НОРМЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Маньковский Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой частного права, начальник центра частноправовых исследований НИИ ТиСО Международного университета «МИТСО»

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ двух концепций структуры правовой нормы: двухэлементной и трехэлементной; на основании анализа точек зрения дореволюционных российских ученых, ученых советского и постсоветского периода развития юридической науки обосновывается вывод о том, что любая правовая норма независимо от ее отраслевой принадлежности имеет двухэлементную структуру, состоящую из гипотезы и диспозиции.

The summary: in article the comparative analysis of two concepts of structure of the rule of law is carried out: two-element and three-element; on the basis of the analysis of the points of view of pre-revolutionary Russian scientists, the scientific Soviet and Post-Soviet period of development of jurisprudence the conclusion that any rule of law irrespective of its branch accessory has the two-element structure consisting of a hypothesis and a disposition is proved.

Поступила 08.02.2013 г.

Норма права, являясь главным предметом научного познания в рамках юридического позитивизма, имеет ряд признаков, исследование которых позволяет выделить нормы права из ряда других социальных норм, определить место и роль норм права в механизме правового регулирования. При этом следует отметить тот факт, что правовая норма представляет собой специфическую систему, состоящую из нескольких логически связанных между собой элементов, совокупность которых, рассмотренная с точки зрения единства существующих между ними связей, по мнению А.В. Полякова, называется структурой правовой нормы [1, с. 468], под которой, по утверждению Ю.С. Жицинского, «обычно понимается логическая формула, способствующая лучшему пониманию права, в целом, и отдельных правовых норм, ясному их изложению в <...> нормативных правовых актах, правильному применению в жизни» [2, с. 8].

Структура нормы права, согласно утверждению А.Ф. Черданцева, – это способ организации ее содержания <...>» [3, с. 49].

Необходимо отметить тот факт, что термин «норма права» в правоведении используется в двух значениях.

В первом значении термином «норма права» обозначают норму-предписание, или норму «закона», представляющую собой формально-определенное правило поведения, имеющее представительно-обязывающий характер, отвечающее признаку нормативности и выраженное грамматическими предложениями, размещенными в статьях, пунктах, абзацах и т.д. нормативного правового акта.

Во втором значении термином «норма права» обозначают норму-суждение имплицативного типа, представляющую собой сложное условное логическое умозаключение о поведенческих возможностях субъектов системы права при различных фактических обстоятельствах, возникновение (наступление) которых допускается государством посредством закрепления в нормативных правовых актах норм «закона» (норм-предписаний).

Следует указать на то, что в своем первом значении термин «норма права», точнее, термин «норма закона» используется практической юриспруденцией и представляет собой руководство к действию для практикующих юристов, содержание которого не подлежит научному изучению, не может быть предметом научной дискуссии об его истинности или ложности.

Норма «закона» может оцениваться с точки зрения справедливости или несправедливости, однако результаты такой оценки не могут повлиять на процедуру ее обязательного применения (принуждения к исполнению при помощи аппарата государственного принуждения), которое основано на принципе «*dura lex, sed lex* (суров закон, но он закон)».

Приведенный принцип можно также интерпретировать как «плох закон, но он закон», что, в целом, означает одно и то же, а именно, каково бы ни было содержание нормативного правового акта, его нормы необходимо исполнять во избежание применения государством мер принудительного воздействия, что в полной мере относится к нормативным правовым актам, содержащим нормы публичных отраслей права.

При этом во втором своем значении термин «норма права» используется цивилистической наукой и понимается как логическое умозаключение, являющееся основой для создания различных юридических конструкций о правах и обязанностях субъектов, которые (юридические конструкции) составляют предмет научного изучения, в том числе научной критики, в рамках юридической догматики, на что обращает внимание В.А. Белов [4, с. 96–97].

В силу того, что норма «закона» представляет собой набор символов государственного языка, она объективно не может иметь логическую структуру, состоящую из взаимосвязанных элементов, которая, безусловно, имманентна только логическому суждению имплицативного типа, связывающему между собой определенные фактические обстоятельства (юридические факты), которым государство при помощи норм «закона» придает юридическое значение, и те юридические последствия, которые будут иметь место для субъектов вследствие наступления указанных фактических обстоятельств.

Применительно к общественным отношениям, составляющим предмет гражданско-правового регулирования и к гражданскому праву, как совокупности предназначенных для этого правовых средств, следует вести речь, во-первых, о фактических экономических отношениях, складывающихся между субъектами в процессе удовлетворения их материальных потребностей и, во-вторых, о юридических последствиях участия в таких отношениях, а точнее, о юридической оценке государственной властью поведения субъектов. По сути, для любого обывателя первичны не юридические последствия своего поведения в сфере гражданского оборота, а факт поступления в его владение необходимой продукции.

Большинство людей, совершая покупки в организациях розничной торговли или на рынке, вообще не задумывается о юридической составляющей своего поведения и руководствуется исключительно желанием наиболее полного удовлетворения своих материальных потребностей, в связи с чем гражданско-правовые отношения следует рассматривать в двух аспектах, логически связанных между собой.

Во-первых, это фактическое поведение людей (фактическое проявление природных явлений) и, во-вторых, – государственная правовая оценка такого поведения.

Поведение людей (проявление природных явлений) в целях правового опосредования фактических отношений признается юридическим фактом, который влечет государственную правовую оценку. Ничего другого кроме юридических фактов и их правовой оценки со стороны государства применительно к гражданско-правовому опосредованию экономических отношений, по нашему мнению, не существует. Следовательно, можно констатировать тот факт, что норма гражданского права как логическое суждение имплицативного типа служит исключительно для связи фактического поведения людей с предусмотренными государством юридическими последствиями, а норма-предписание, закрепленная в нормативном правовом акте, – для доведения модели юридически значимого поведения, допускаемого или запрещаемого на государственной территории, возможных юридических последствий такого поведения и пределах изменения правового положения участников различных социальных связей, в том числе и экономических.

В соответствии с выводами, сделанными в многочисленных научных исследованиях, проведенных в рамках науки «теория права», в настоящее время существует две концепции логической структуры правовой нормы: концепция двухэлементной («двухзвенной») структуры и концепция трехэлементной («трехзвенной») структуры правовой нормы.

Согласно концепции двухэлементной структуры правовая норма состоит из гипотезы и диспозиции, а в соответствии с концепцией трехэлементной структуры – из гипотезы, диспозиции и санкции, которые рассматриваются в качестве взаимосвязанных элементов, составляющих логическую структуру правовой нормы.

Следует отметить тот факт, что в настоящее время в теории права преобладающей является концепция трехэлементной структуры правовой нормы, получившая свое развитие в советский период, на что обращают внимание О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, согласно утверждению которых «по общепринятому в советской юридической литературе мнению всякая правовая норма состоит из трех частей: гипотезы, диспозиции и санкции» [5, с. 152].

Вместе с тем, названные ученые все же отмечают тот факт, что обязательными элементами правовой нормы следует считать только гипотезу и диспозицию [5, с. 160].

Применительно к современному уровню развития юридической науки факт доминирования концепции трехэлементной структуры правовой нормы констатирует А.В. Поляков, согласно утверждению которого «большинство ученых, отдавая дань статистической традиции правопонимания, отстаивают обязательную трехэлементную структуру правовой нормы» [1, с. 478], концепцию которой в настоящий период развития юридической мысли можно признать доминирующей на территории России и Беларуси. Широкое признание юридической наукой концепции трехэлементной структуры правовой нормы отмечает В.К. Бабаев [6, с. 382], называя в качестве ее авторов С.А. Голунского и М.С. Строговича, приводя получившую распространение точку зрения названных ученых, опубликованную в 1940 г. в учебнике по теории государства и права, согласно которой «в правовой норме содержится прежде всего указание на условие, при котором норма подлежит применению, затем изложение самого правила поведения, наконец, указание на последствия невыполнения этого правила» [7, с. 251]. «В советской литературе это предположение впервые изложили С.А. Голунский и М.С. Строгович в учебнике Теория государства и права. М., 1940. С. 251, и др.», отмечает О.Э. Лейст [8, с. 558], поддерживающий предложенную названными учеными концепцию трехэлементной структуры правовой нормы.

В качестве родоначальника концепции трехэлементной структуры правовой нормы М.С. Строговича называет В.А. Белов, предполагающий, что основанием разработки такой концепции является тезис В.И. Ленина, согласно которому «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [4, с. 101].

Предположение В.А. Белова, по нашему мнению, не лишено оснований в свете отношения в советский период развития юридической науки к изречениям В.И. Ленина, которые рассматривались как руководство к неукоснительному соблюдению, истинность их содержания не подвергалась сомнению, по сути, признавалась аксиоматичной, и все научные исследования, проводимые в области правоведения, должны были в обязательном порядке опираться на труды В.И. Ленина, что неукоснительно соблюдалось.

Аналогичную точку зрения относительно причины введения в теоретическую науку трехэлементной структуры правовой нормы высказывает А.Ф. Черданцев, согласно утверждению которого С.А. Голунский и

М.С. Строгович «очевидно, исходили из того, что, коль скоро существует три термина, обозначающих элементы нормы права, то должно быть и три элемента нормы, а поэтому следует подправить взгляды буржуазных юристов на структуру нормы права» [3, с. 50], что в советский период развития юридической науки, по нашему мнению, было одним из факторов успеха научных работ, но, к сожалению, не имело под собой действительно научного обоснования.

Изложенное подтверждается содержанием ниже приведенных цитат трудов ученых советского периода.

В настоящее время сторонниками концепции трехэлементной структуры правовой нормы являются В.К. Бабаев, А.Б. Венгеров, В.М. Корельский, О.Э. Лейст, В.С. Нерсисянц, В.Д. Первалова, В.М. Сырых, В.Н. Хропанюк и другие ученые-теоретики.

Несмотря на всеобщее признание концепции трехэлементной структуры правовой нормы, сформированной в советский период и поддерживаемой современными учеными, многие из которых, являясь признанными, все же получили советское юридическое образование, в юридической литературе как советского, так и постсоветского периода, наряду с трехэлементной поддерживается концепция двухэлементной структуры правовой нормы, разработанная учеными досоветского периода и, соответственно, являющаяся исторической первой, на что обращает внимание В.А. Белов, приводя цитату Д.Д. Гримма, опубликованную в книге «Энциклопедия права: Лекции», выпущенной 1895 г. в г. Санкт-Петербурге. Так, согласно утверждению Д.Д. Гримма, «каждая юридическая норма представляет собой условное веление, которое может быть сведено к форме: «если – то». Соответственно с этим в составе каждой юридической нормы надо различать два элемента: гипотезу, или предположение, и диспозицию, или распоряжение. Гипотеза, или предположение, определяет условия применения данного правила. Диспозиция, или распоряжение, излагает содержание правила» [9, с. 240]. Аналогичную по содержанию точку зрения высказывает Н.М. Коркунов, согласно утверждению которого «все юридические нормы суть условные правила. Поэтому юридическая норма состоит, естественно, из двух элементов: из определения условий применения правила и изложения самого правила. Первый элемент называется гипотезой, или предположением, второй – диспозицией, или распоряжением» [10, с. 128].

Следовательно, в ряду ученых досоветского периода, поддерживающих концепцию двухэлементной структуры правовой нормы, следует назвать таких, как Д.Д. Гримм, Н.М. Коркунов, Ф.В. Тарановский.

В советский период развития правоведения концепции двухэлементной структуры правовой нормы придерживались С.С. Алексеев, Ю.В. Кудрявцев, С.В. Курылев, Н.П. Томашевский, А.А. Ушаков, А.Ф. Черданцев, Б.В. Шейндлин.

На современном этапе развития юридической науки концепцию двухэлементной структуры правовой нормы поддерживают А.С. Пиголкин, А.Ф. Черданцев, В.А. Белов и некоторые другие ученые. Отдельные ученые и, в частности, В.С. Основин, указывают на то, что «<...> при решении вопроса о структуре <...> правовой нормы нельзя допускать крайностей. Действительно, многие правовые нормы состоят из трех элементов, но из этого нельзя делать вывод, что трехэлементная структура строго обязательна для каждой нормы» [11, с. 40].

Высказанную В.С. Основиним точку зрения поддерживает А.В. Поляков, который считает, что «количество элементов правовой нормы зависит от ее конкретного функционального и ценностного значения в механизме действия права» [1, с. 479].

Анализ содержания названных ранее и других учебных и научных работ по теории права и некоторых указанных выше работ, выполненных в области цивилистической науки, позволяет констатировать тот факт, что применительно к рассматриваемой проблеме дискуссионным остается два вопроса – сколько элементов включает в себя структура правовой нормы как логического суждения имплицативного типа – два или три, и каково предназначение и место санкции в системе права в целом и, гражданского права, – в частности.

Следует указать на то, что разрешение поставленных вопросов имеет исключительно научное значение и не влияет на процедуру применения норм «закона», в том числе содержащих меры принудительного воздействия, которые могут быть применены в определенных случаях асоциального поведения человека.

Так, вне зависимости от того, какой концепции структуры правовой нормы придерживается тот или иной ученый, во всех научных и учебных юридических источниках, рассматривающих элементы структуры правовой нормы, во-первых, саму структуру называют логической, что указывает на ее связь с наукой «логика», во-вторых, включают в структуру нормы-суждения два ее неизменных элемента: гипотезу и диспозицию, указывая на наличие между ними логической связи, представленной логической имплицативной формулой «если – то», разработанной в рамках науки «логика», и, в-третьих, абсолютно одинаково раскрывают понятие гипотезы и диспозиции.

При этом, рассматривая вопрос о месте и предназначении такого элемента структуры правовой нормы, как санкция, сторонники обеих концепций также идентично определяют ее понятие.

Необходимо отметить тот факт, что сторонники концепции трехэлементной структуры правовой нормы к разработанной логикой имплицативной логической формуле «если – то», воспринятой дореволюционными юристами, добавили в советский период развития юридической науки, на что указывалось выше, окончание «иначе», искусственно получив таким образом трехэлементную структуру правовой нормы «если – то – иначе».

Следует констатировать тот факт, что независимо от подхода к структуре правовой нормы и наличия или отсутствия идеологической подоплеки в обосновании выбранного подхода во всех вышеперечисленных и других литературных источниках как досоветского, так советского и постсоветского периодов

общественного развития содержание элементов структуры правовой нормы-суждения определяется, в целом, одинаково, с некоторыми незначительными отличиями, порой существенно меняющими ход дальнейших научных исследований.

Так, *гипотеза* понимается как предположение об условиях применения правила поведения, предусмотренного диспозицией, как условия, при которых применяется норма. По сути, в гипотезе называются те жизненные обстоятельства, именуемые в правоведении юридическими фактами, при наступлении которых у определенных субъектов возникают субъективные права и обязанности, указанные в диспозиции нормы-суждения. Таким образом, гипотеза правовой нормы определяет условия действия ее диспозиции.

Под *диспозицией* в юридической науке понимается правило поведения субъекта в условиях, предусмотренных гипотезой. Применительно к такому пониманию диспозиции правовой нормы следует уточнить, что правило, содержащееся в диспозиции, определяет перечень субъективных прав и обязанностей, которые возникнут у субъектов в случае наступления фактических обстоятельств, предусмотренных гипотезой. По сути, в диспозиции определяются те юридические последствия, которые будут иметь место для субъектов при наступлении жизненных обстоятельств, указанных в гипотезе и именуемых юридическими фактами. При этом под названными диспозицией правовыми последствиями следует рассматривать то правовое положение, которое возникнет (изменится) у конкретного субъекта права в случае наступления фактических обстоятельств, указанных гипотезой правовой нормы.

Вышеизложенное позволяет констатировать тот факт, что на современном этапе развития юридической науки понимание значения таких терминов, как «гипотеза» и «диспозиция», в целом, является абсолютно идентичным тому, как их описывали Д.Д. Grimm, Н.М. Коркунов и другие ученые, работавшие в досоветский период развития юридической науки.

Таким образом, под гипотезой следует понимать первую часть нормы-суждения, определяющую совокупность жизненных обстоятельств (какое-то одно обстоятельство), с наступлением которых государство связывает возможность наступления определенных юридических последствий. Непосредственно указанные в гипотезе нормы-суждения жизненные обстоятельства, получившие связь с предметной деятельностью (бездействием) субъекта, подвергаются государственной оценке, которая находит свое выражение в изменении правового положения субъекта, вызванном распространением в его отношении определенных юридических последствий.

Жизненные обстоятельства, закрепленные в гипотезе правовой нормы-суждения, следует квалифицировать как юридические факты.

Под диспозицией следует понимать вторую часть нормы-суждения, определяющую совокупность юридических последствий, наступление которых государство допускает или навязывает субъекту, в отношении или с участием которого возникли и получили свое развитие предусмотренные гипотезой правовой нормы фактические жизненные обстоятельства (юридические факты).

Вышеизложенное позволяет согласиться с точкой зрения, высказанной А.Ф. Черданцевым, согласно которой «одна часть нормы представляет собой информацию о фактах, с которыми норма права связывает наступление юридических последствий, или, как обычно пишется, указывает на юридические факты. Вторая часть нормы представляет собой информацию о юридических последствиях, наступающих при наличии юридических фактов, очерченных нормой, т.е. указывает на права и обязанности адресатов нормы. Никаких других юридических последствий нормы права не предусматривают» [3, с. 52].

Аналогичную точку зрения, подтверждающую выдвинутое нами предположение, высказывает В.А. Белов, в соответствии с утверждением которого «часть суждения, открываемая словом «если», содержит сведения о тех фактических обстоятельствах (общественных отношениях), которые подвергаются оценке (являются ее предметом) и называются гипотезой нормы. Часть нормы-суждения, отделяемая словом «то», и содержащая сведения о сути государственно-властной оценки описанных в гипотезе общественных отношений, называется диспозицией нормы» [12, с. 243].

Схожую содержательно точку зрения высказывает видный немецкий цивилист, доктор права Ян Шапп, согласно мнению которого «правовые нормы состоят, как правило, из состава и правового последствия. Тем самым правовая норма имеет структуру «если – то», в которой можно выразить практически любую юридическую норму. Элемент «если» обозначает состав, а элемент «то» – правовое последствие» [13, с. 24].

Санкция рассматривается учеными-теоретиками, придерживающимися концепции трехэлементной структуры правовой нормы, как третий элемент нормы-суждения, определяющий содержание негативной реакции государства на поведение субъекта, не соответствующее модели, предусмотренной в диспозиции правовой нормы. «Санкцией правовой нормы, указывает О.Э. Лейст, называется нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и содержащих его итоговую правовую оценку» [14, с. 7].

Если можно согласиться с определением санкции как предусмотренной государством меры принудительного воздействия на человека, итоговой оценки его поведения, то относительно ее места в логической структуре правовой нормы следует возразить.

Точка зрения, согласно которой санкция является неизменным третьим элементом правовой нормы, основывается на преобладающем среди приверженцев концепции трехэлементной структуры правовой нормы понимании ее диспозиции как некоего правила поведения, несоблюдение которого ведет к

применению санкции, т.е. третьей обязательной части правовой нормы, без которой правило поведения, закрепленное в диспозиции, останется без исполнения.

При этом в обоснование трехэлементной структуры правовой нормы и, следовательно, необходимости включения в ее состав такого элемента, как санкция, советские ученые указывали на то, что «в условиях социалистической экономики действие закона планомерного развития народного хозяйства требует реального исполнения гражданско-правовых обязанностей <...>. Поэтому в советском гражданском праве в принципе недопустима замена исполнения этой обязанности ее суррогатом – возмещением убытков. <...> Ошибочность выводов о двухэлементном строении нормы права, следовательно, вызвана тем, что не учитываются требования закона диалектики о взаимообусловленности явлений действительности применительно к взаимосвязи общественных отношений и регулирующих их норм права» [2, с. 50]. Санкция, утверждает Ю.С. Жицинский, «воспитывает граждан в духе уважения к советскому закону и строгого соблюдения установленных им правовых обязанностей, уважения к правам и интересам других лиц и всего общества в целом. Тем самым санкция служит юридическим средством предотвращения и искоренения правонарушений в советском обществе <...>» [2, с. 44]. «В определении юридических обязанностей санкции играют подсобную <...>, но необходимую роль (без обеспеченности санкцией обязанность перестает быть правовой)», отмечает О.Э. Лейст [14, с. 24].

Из приведенных выше высказываний следует вывод о том, что факт включения в состав правовой нормы ее третьего элемента, именуемого санкцией, и непосредственно сама трехэлементная структура правовой нормы, созданная в советский период развития юридической мысли, не имеют ничего общего с логической формулой, изначально положенной в основу конструкции правовой нормы, а необходимость использования трехэлементной структуры правовой нормы обосновывается исключительно идеями социалистического пути развития. При этом в гражданском праве СССР термин «обязательство» был подменен термином «обязанность», что свойственно административному методу, применяемому в то время в гражданско-правовом регулировании.

Наряду с заменой гражданско-правового обязательства административной обязанностью также было изменено содержание гражданско-правовой ответственности, которая с момента создания гражданского права, как совокупности правовых средств регулирования имущественных отношений, основывалась на полном возмещении причиненных убытков, что имеет место в современных условиях развития гражданского правопорядка.

В отличие от современного периода развития цивилистики в советский период содержание ответственности за нарушение гражданско-правовой «обязанности» заключалось в обязательном применении к социалистическим хозяйственным организациям мер государственного принудительного воздействия вместо возмещения убытков и в принуждении к последующему реальному исполнению обязанностей перед другими социалистическими организациями – контрагентами по договору.

При таком подходе к организации гражданского правопорядка, безусловно, существовала теоретическая возможность обоснования необходимости включения в состав логической структуры правовой нормы третьего элемента, именуемого санкцией, даже вопреки законам логики. Особенно если такое обоснование основывалось на цитатах В.И. Ленина и других апологетов коммунистического способа государственного и общественного устройства, обязательных для использования во всех научных изысканиях.

«Законы, не устанавливающие наказания за их неисполнение, – писал В.И. Ленин, – не дают гарантий исполнения и «не исполняются вовсе, оставаясь пустой бумажкой» [15, с. 127].

В современный период развития юридической науки в целом, и науки гражданского права, – в частности, необходимо учитывать изменившийся путь политического развития и новые подходы общества к коммунистическим идеям, отвергающие навязанные коммунистической партией идеологические принципы общественного устройства, оказавшие в свое время самое непосредственное влияние на развитие юридической науки, построение основанного на ее выводах советского правопорядка и, как следствие, на содержание научных исследований, выполненных советскими учеными. В современный исторический период развития научной мысли необходимо осторожно подходить к советскому юридическому наследию и брать за основу дальнейших научных исследований только такие их результаты, которые свободны от идеологических догм и имеют под собой действительно научное обоснование.

Понимание диспозиции правовой нормы как обязательного для исполнения правила поведения, получившее массовое признание в советский период развития юридической науки, по нашему мнению, не соответствует ее предназначению в логической структуре правовой нормы, приводит к выводу о необходимости наличия в структуре правовой нормы третьего элемента, содержащего меры государственного воздействия, подлежащие применению к лицам, не выполняющим требования правила поведения, содержащегося в диспозиции правовой нормы-суждения. Вместе с тем, на что указывалось выше, под диспозицией следует понимать не обязательное для исполнения правило поведения, нарушение которого ведет к применению санкции, а набор определенных прав и (или) обязанностей, возможное или обязательное применение которых к субъекту, выполнившему условия гипотезы правовой нормы, изменит его правовое положение как участника соответствующих общественных отношений. Кроме того, следует отметить тот факт, что термин «санкция» в первом своем значении раскрывается как «утверждение чего-либо высшей инстанцией, разрешение» [16, с. 696], из чего следует, что под санкцией можно понимать совокупность разрешенных, санкционированных государством мер воздействия, применение которых является итогом негативной оценки государственной

властью поведения субъекта.

Факт применения таких мер и есть закрепленная в диспозиции правовой нормы реакция государства на совершение (несовершение) фактических действий, указанных в диспозиции, направленная на принудительное изменение правового положения субъекта.

Так, разве можно утверждать о том, что первая часть охранительных правовых норм, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса или в Кодексе об административных правонарушениях и называемых в науке уголовного и административного права диспозицией, является правилом поведения. Наоборот, в нормах уголовного и административного права установлен запрет такого поведения, по сути, указаны фактические обстоятельства (юридические факты), в случае наступления которых (совершения предусмотренного нормой деяния) правовое положение лица, совершившего запрещенное деяние, изменится таким образом, как это указано во второй части нормы уголовного или административного права.

Применительно к подходу к понятию и структуре правовой нормы, воспринятому в нашем исследовании, санкцию можно определить как юридическое средство, используемое для психологического понуждения субъектов к поведению, предлагаемому государством, не являющееся самостоятельным элементом логической структуры правовой нормы, размещенное в ее диспозиции. По сути, санкцией следует называть совокупность обязанностей (одну обязанность), которые государственная власть возлагает на лицо, совершившее деяние, запрещенное гипотезой правовой нормы, и заставляет исполнять при помощи аппарата принуждения.

Непосредственно в ходе принудительного исполнения возложенных на лицо обязанностей, именуемых санкцией и закрепленных в диспозиции правовой нормы, изменяется его правовое положение (субъект лишается права собственности на часть своего имущества, приобретает статус лица, осужденного к лишению свободы, лишается правоспособности: права осуществлять предпринимательскую деятельность, права занимать определенные должности, права избирать и быть избранным). Таким образом, по нашему мнению, санкцию следует рассматривать как совокупность допущенных (санкционированных государством) к принудительному применению мер государственного воздействия, которому подвергаются субъекты права, совершившие деяния, запрещенные гипотезой охранительной правовой нормы и содержащихся в диспозиции как элементе правовой нормы-суждения, предназначенном для закрепления содержания государственной юридической оценки поведения субъекта.

Необходимость государственного правового санкционирования применения таких мер обусловлена тем обстоятельством, что принудительные меры, применяемые к человеку в процессе государственного реагирования на поведение субъекта, противны естественным правам человека и в случае их применения лицами, во-первых, не уполномоченными на это государством и, во-вторых, в неустановленных (несанкционированных) государством случаях, факт их применения признается правонарушением и подлежат негативной оценке государственной властью. Так, например, убийство человека является уголовным преступлением, запрещенным к совершению нормой ст. 139 Уголовного кодекса, лишение человека свободы признается преступлением, запрещенным к совершению нормой ст. 183 Уголовного кодекса.

Вместе с тем, лишение человека свободы в качестве меры государственного принудительного воздействия санкционировано государством посредством закрепления такого правила в ст. 57 Уголовного кодекса, а лишение человека жизни, по сути, его убийство – в ст. 59 Уголовного кодекса. Неприкосновенность собственности гарантирована нормами ст. 44 Конституции и, вместе с тем, в соответствии с нормами ст. 61 Уголовного кодекса собственность может быть изъята в принудительном порядке по решению суда в установленных нормами Уголовного кодекса случаях.

При этом изъятие имущества у субъекта помимо его воли в иных (несанкционированных государством) случаях запрещается нормами стст. 205–215 Уголовного кодекса, соответственно, признается уголовным преступлением, совершение которого негативно оценивается государством, что отражено в диспозициях указанных выше правовых норм.

Изложенное выше позволяет сделать обобщающий вывод о том, что термином «санкция» следует называть не третий элемент правовой нормы, а набор разрешенных (санкционированных) к применению мер государственного воздействия, которые противны естественным правам человека, но могут быть применены к нему в установленных государством случаях, определенными государством органами (должностными лицами) и в установленном государством порядке.

Во всех остальных случаях применение таких мер рассматривается как правонарушение, подлежащее негативной государственной оценке.

Например, из фактического владения субъекта гражданского права помимо его воли выбыл велосипед, который изъят из принадлежащего субъекту гаража. Впоследствии собственник велосипеда обнаружил его в фактическом владении другого лица, купившего велосипед у входа в продовольственный магазин. Исходя из обстоятельств приобретения велосипеда, его фактического владельца можно признать незаконным недобросовестным владельцем. При этом не владеющий велосипедом собственник может вернуть велосипед в свое фактическое владение только одним путем, посредством использования такого средства защиты, как виндикационный иск. Если же собственник изымет принадлежащий ему на праве собственности велосипед другим способом, совершит кражу, отберет велосипед с применением физической силы и т.п., он сам будет привлечен к юридической ответственности соответствующего вида.

На убедительность предлагаемого нами подхода косвенно указывает сторонник трехэлементной концепции структуры правовой нормы О.Э. Лейст, согласно утверждению которого санкция, в определенном аспекте, становится диспозицией, и это не противоречит тому, что она (санкция) – атрибут правовой нормы. «Противоречия нет, так как пока санкция выступает как угроза (на случай правонарушения), она ни для кого не является диспозицией: ею она становится при решении дела о конкретном правонарушении» [14, с. 19].

На основании высказывания О.Э. Лейста можно сделать вывод о том, что санкция, в первую очередь, служит для оказания психологического воздействия на субъектов системы права, выступая, согласно утверждению О.Э. Лейста, «как угроза (на случай правонарушения)» и, следовательно, направлена на превенцию совершения запрещенных деяний, на предупреждение потенциальных правонарушителей о содержании негативной оценки государства и пределах изменения правового положения субъекта в случае нарушения установленного запрета.

При этом в случае разрешения дела о конкретном правонарушении санкция, согласно точке зрения О.Э. Лейста, становится диспозицией правовой нормы.

Таким образом, О.Э. Лейст, считая структуру правовой нормы трехэлементной, все же указывает на то, что санкция трансформируется в диспозицию в тот момент, когда предусмотренные ей меры воздействия необходимо применить к конкретному правонарушителю.

В описанных О.Э. Лейстом метаморфозах, которые, по его мнению, должны произойти с санкцией, необходимость отсутствует, если признать искусственность концепции трехэлементной структуры правовой нормы и констатировать тот факт, что гипотезой является модель разрешенного или запрещенного государством поведения, а диспозицией – совокупность позитивных или негативных правовых последствий такого поведения, применение которых к субъекту санкционировано государством.

На искусственность трехэлементной структуры правовой нормы, ее несоответствие действительному содержанию норм права косвенно указывает Р.З. Лившиц, согласно утверждению которого структура правовой нормы «включает согласно принятому пониманию три части: диспозицию, гипотезу и санкцию. По этой классической схеме, продолжает Р.З. Лившиц, правовая норма должна выглядеть примерно так: если имеют место какие-то обстоятельства (гипотеза), то участники отношений должны поступать так-то и так-то (диспозиция), в противном случае они подлежат такой-то ответственности (санкция). Но в законодательной практике нормы, построенные по этой классической схеме, почти не встречаются» [17, с. 104].

Если применительно к нормам уголовного или административного права наличие санкции как третьего элемента правовой нормы все же можно каким-то образом обосновать, указывая на бездейственность охранительных норм, без наличия санкции, на то, что без действенных мер принуждения невозможно заставить субъектов системы права воздерживаться от деяний, запрещенных нормами уголовного права, то применительно к нормам гражданского права все эти доводы являются абсолютно безосновательными, особенно после изменения политического курса государственного развития, изменения принципов осуществления экономической деятельности, допуска к ее осуществлению частных субъектов. В современных условиях экономического развития гражданский правопорядок допускает значительную самостоятельность субъектов в моделировании своих взаимоотношений и предусматривает исключительно имущественные меры гражданско-правовой ответственности, которые, во-первых, носят компенсационно-восстановительный характер, а, во-вторых, подлежат применению только на основании свободно сформированного и добровольно выраженного во вне волеизъявления второй стороны правоотношения, прав и законные интересы которой нарушены.

Вряд ли можно именовать санкцией обязанность лица вернуть другой стороне правоотношения денежные средства, которые это лицо было обязано заплатить при нормальном развитии гражданского правоотношения, или восстановить своими силами испорченное имущество, или компенсировать имущественные потери, причиненные второй стороне в результате действий (бездействия) ее контрагента. Вне всякого сомнения, возмещение причиненных убытков, восстановление правового положения лица, существовавшее до нарушения его прав и законных интересов, удержание как мера оперативного реагирования на поведение субъекта, не соответствующее условиям договорного обязательства, применение к недобросовестной стороне гражданско-правового отношения зачетной и даже штрафной неустойки носят исключительно компенсационный характер и направлены на восстановление правового положения участников экономической деятельности, которое должно было существовать при нормальном развитии гражданско-правовых отношений.

В отличие от мер гражданско-правового воздействия, применяемых на основании решения, принятого частным лицом, меры принудительного воздействия, используемые в уголовном или административном праве и именуемые санкцией, применяются специально уполномоченными государственными органами, направлены на принудительное изменение правового положения субъекта, которое при нормальном развитии общественных отношений никогда бы не произошло. Такие меры связаны не с восстановлением правового положения потерпевшего лица, что в принципе невозможно в случае причинения телесного повреждения, убийства, изнасилования, использования рабского труда, вовлечения в занятие проституцией и иных подобных случаях, а используются в качестве государственного возмездия за совершение лицом деяний, запрещенных и признанных государством наиболее общественно опасными.

Изложенное позволяет еще раз констатировать тот факт, что санкция не может быть признана в качестве

самостоятельного элемента правовой нормы в целом, и элементом гражданско-правовых норм, – в частности.

Исследуя концепции двухэлементной и трехэлементной структуры правовой нормы, в первую очередь, по нашему мнению, следует исходить из того, что представляет собой правовая норма, структура которой подлежит изучению, и, во вторую очередь, из того, что является основой построения структуры правовой нормы.

Как отмечалось выше, правовая норма, имеющая структуру, т.е. правовая норма-суждение, представляет собой сложное условное логическое суждение имплицативного типа о поведенческих возможностях субъектов системы права и их государственной оценке, выраженной в возможности наступления положительных или отрицательных для субъекта последствиях юридического и фактического свойства.

Такой подход к пониманию нормы-суждения поддерживается представителями двух концепций.

Впрочем, следует отметить тот факт, что разграничение правовых норм на нормы-предписания и нормы суждения проводится не всеми учеными-правоведами. Отсутствие такого разграничения, по нашему мнению, принижает значимость исследования правовых норм, лишает его существенной информации, необходимой как для будущего юриста-практика, так и для будущего ученого-правоведа, которые в своей дальнейшей деятельности должны не только уметь применять нормы-предписания, соединять их отдельные части в единые правила, определяющие субъективные права и обязанности в конкретном правоотношении, что особенно важно для гражданско-правовых отношений, но и проводить научные исследования нормативного материала с целью дальнейшего совершенствования системы права.

Представителями двух концепций не отрицается тот факт, что в основу построения структуры правовой нормы положена логическая импликация, понимаемая И.И. Дубининым как сложное высказывание, состоящее из простых, соединенное между собой логическим союзом «если..., то» [18, с. 125].

Таким образом, имплицативное суждение, именуемое в логике сложным и условным, состоит из двух простых суждений – двух частей. Согласно утверждению В.И. Бартона, «часть со словом «если» называется основанием, или антецедентом, а часть со словом «то» – следствием, или консеквентом» [19, с. 91].

На основании приведенного утверждения можно сделать вывод о том, что поведенческие возможности субъекта и результат их государственной оценки взаимообусловлены и логично следуют друг за другом. В начале поведение субъекта, после – его государственная оценка, что не отрицается представителями как концепции двухэлементной, так и концепции трехэлементной структуры правовой нормы, и находит свое подтверждение в высказываниях представителей науки «логика».

Так, В.И. Кириллов и А.С. Старченко утверждают о том, что «в условном суждении антецедент выполняет функцию фактического или логического основания, обуславливающего принятие в консеквенте соответствующего следствия» [20, с. 83]. Такой подход, безусловно, характерен для конструкции норм-суждений, в которых вторая часть, именуемая диспозицией, следует из первой части, именуемой гипотезой, обусловлена ею.

Указанная взаимообусловленность двух частей правовой нормы-суждения свидетельствует о влиянии логических конструкций и, в частности, конструкции имплицативного (условного) суждения, на структуру правовой нормы, называемую в правоведении логической, что также подчеркивает ее связь с логическими формами.

Связь структуры правовой нормы с логическими формами констатирует Н.М. Коркунов, согласно утверждению которого «юридическая норма выполняет роль большой посылки; данное фактическое отношение людей, выражающее столкновение регулируемых нормой интересов, – роль малой посылки, а определение соответствующих прав и обязанностей есть заключение» [10, с. 122]. Связь структуры правовой нормы с логическими формами подтверждают В.И. Кириллов и А.С. Старченко, согласно точке зрения которых «в форме условных суждений в языке могут быть представлены такие виды объективных связей, как <...> правовые <...>» [20, с. 83].

Все вышеизложенное позволяет констатировать тот факт, что структура правовой нормы-суждения суть условная логическая форма, именуемая импликацией, где гипотеза является антецедентом (основанием (причиной)), а диспозиция – консеквентом, или следствием.

Приведенные выше подходы к созданию логических форм и указание на то, что к объективным правовым связям применяется только одна из них, а именно, сложное условное суждение имплицативного типа, позволяют утверждать о том, что правовая норма-суждение, структура которой, безусловно, основана на логической импликации, состоит из двух простых суждений, двух элементов – основания (антецедента) и следствия (консеквента), получивших в юриспруденции название гипотезы и диспозиции. В качестве основания (гипотезы правовой нормы), по нашему мнению, могут выступать как модели разрешенного (положительного) поведения, предусмотренные, например, нормами гражданского права, так и модели запрещенного (асоциального) поведения, предусмотренные, например, нормами уголовного права, что обусловлено общим предназначением правовых норм, входящих как в отрасли публичного, так и в отрасли частного права, состоящим в создании наиболее благоприятных, с точки зрения государства, условий взаимодействия людей в различных сферах социальной жизни.

Содержание гипотезы (основания), по нашему мнению, зависит от социального предназначения соответствующей отрасли права, в целом, и отдельных норм (их групп), – в частности. Так, например, уголовное право как правовая отрасль предназначено для доведения до сведения физических лиц, во-первых,

перечня деяний, совершение которых на государственной территории подлежит максимальной негативной оценке со стороны государства как наиболее общественно опасных и, во-вторых, перечня мер государственного воздействия, которые могут быть применены к лицам, совершившим деяния, описанные нормами уголовного права.

Причем указанные меры сформулированы таким образом, чтобы оказать наибольшее психологическое воздействие на потенциальных нарушителей государственных запретов.

В соответствии с предназначением уголовного права сформулированы гипотезы уголовно-правовых норм, содержащих точное описание общественно опасного деяния, совершение которого запрещается государством под страхом применения мер государственного принудительного воздействия.

Например, гипотеза правовой нормы, закрепленной в ст. 215 Уголовного кодекса, звучит следующим образом: «присвоение в особо крупном размере найденного заведомо чужого имущества или клада».

Формулировка приведенной нормы позволяет однозначно определить содержание запрещенного деяния, рассматриваемого государством в качестве юридического факта, влекущего за собой возникновение обязанности, предусмотренной во второй части правовой нормы, именуемой, исходя из рассмотренной выше логической конструкции правовой нормы, диспозицией. Причем не вызывает сомнения то обстоятельство, что действие, описанное в первой части нормы, закрепленной в ст. 215 Уголовного кодекса, представляет собой не что иное, как юридический факт, который, согласно общеправовой классификации юридических фактов, классифицируется как неправомерное действие. Следовательно, первую часть правовой нормы, закрепленной в ст. 215 Уголовного кодекса, описывающую действие, квалифицируемое в качестве юридического факта, можно признать основанием (антецедентом), т.е. гипотезой правовой нормы, влекущей за собой применение юридических последствий, содержащихся во второй ее части, именуемой диспозицией, что соответствует разработанной наукой «логика» логическим формам.

Аналогичным образом сформулированы гипотезы остальных норм, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях.

В отличие от уголовного права, гражданское право, как базовая отрасль частного права, предназначено для создания наиболее благоприятных правовых условий участия в общественных отношениях, возникающих в процессе производства, обмена и потребления продукции. Посредством норм гражданского права государство предлагает субъектам экономической деятельности наиболее оптимальные, с государственной точки зрения, модели поведения, предоставляя при этом участникам гражданско-правовых отношений юридически обеспеченную возможность самостоятельного моделирования своих правовых связей.

Сообразно с предназначением гражданского права сформулированы гипотезы гражданско-правовых норм. Однако следует отметить то обстоятельство, что конструкция системы гражданского права как отрасли права, и соответственно, конструкция входящих в ее состав норм не позволяют выделить гипотезу так же однозначно, как в нормах уголовного права.

Дело в том, что Уголовное право и, в частности, его Особенная часть построены по принципу: одна статья – одна норма – одно запрещенное деяние и последствия его совершения. Таким образом, в Уголовном праве одной норме-предписанию, как правило, соответствует одна норма-суждение.

В гражданском праве нормы построены по другому принципу.

Так, на процесс приобретения, например, зубной щетки в организации розничной торговли оказывают влияние многие правовые нормы-предписания, которые в совокупности составляют гипотезу одной нормы-суждения. Во-первых, это нормы § 2 главы 30 ГК, во-вторых, в части, не урегулированной указанными нормами, нормы § 1 главы 30 ГК, а также общие нормы, закрепленные в главе 27 ГК.

Кроме того, на процесс приобретения вещи в организации розничной торговли оказывают влияние нормы, закрепленные в специальных нормативных правовых актах.

Все нормы-предписания, в совокупности, составят одну гипотезу (основание) нормы-суждения, т.е. один юридический факт (юридический состав), с которым государство связывает возникновение определенной совокупности прав у покупателя и определенной совокупности обязанностей, корреспондирующих правам покупателя, у продавца. Права и обязанности продавца и покупателя, в свою очередь, составляют диспозицию соответствующей нормы-суждения, содержащуюся также в разных нормах-предписаниях, закрепленных в ГК и иных нормативных правовых актах системы гражданского законодательства.

Сложная конструкция построения нормы-суждения, гипотеза которой состоит из большого количества норм-предписаний, последовательно составляющих модель поведения покупателя и модель поведения продавца, лишает нас возможности привести пример гипотезы гражданско-правовой нормы-суждения, как это сделано применительно к нормам уголовного права.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что независимо от содержания основания (антецедента) правовой нормы, которое, на что указывалось выше, может содержать как модель разрешенного (предлагаемого государством) поведения, так и модель запрещенного либо необходимого государству поведения, антецедент всегда является первой частью правовой нормы, именуемой гипотезой и содержащей юридический факт (юридический состав), с которыми государство связывает наступление (возможность наступления) положительных или отрицательных юридических последствий для определенного субъекта, которые будут выражены в добровольном либо принудительном изменении его правового положения.

Сделанный нами вывод следует из того, что логической основой любой правовой нормы, безусловно,

является сложное условное логическое суждение имплицативного типа, модель которого разработана наукой «логика», а также из того, что данный факт учеными-юристами не оспаривается. При этом логическая импликация имеет устоявшуюся и проверенную временем конструкцию, не предполагающую ее изменение в зависимости от содержания антецедента или консеквента, что в полной мере применимо и к логической структуре правовой нормы, основанной на импликации.

В этой связи следует признать безосновательным подход представителей уголовно-правовой науки к наименованию первой части уголовно-правовой нормы, которую в уголовном праве именуют не гипотезой, а диспозицией, что, соответственно, отразилось на наименовании второй части уголовно-правовой нормы, именуемой не диспозицией, а санкцией. Так, например, Э.А. Саркисова, следуя традиционному для науки уголовного права подходу, определяет диспозицию как «часть нормы, в которой содержится указание на конкретное деяние, признаваемое преступлением, а санкцию – как часть нормы, в которой содержится указание на вид и пределы наказания, установленного за совершение указанного в диспозиции преступления [21, с. 38].

Очевидным является тот факт, что «<...> указание на конкретное деяние, признаваемое преступлением <...>», представляет собой не что иное, как «фактическое или логическое основание, обуславливающее принятие в консеквенте соответствующего следствия», т.е. гипотезу, на что указывают, например, В.И. Кириллов и А.С. Старченко и, соответственно, не может рассматриваться в качестве диспозиции, которая, согласно утверждению представителей науки «логика», выступает следствием совершения деяния, признаваемого преступлением.

При этом неоспоримым следует признать тот факт, что следствием совершения деяния, именуемого преступлением, с правовой точки зрения, являются меры уголовного наказания, которые обязательно должны быть применены к нарушителю в соответствии с принципом неотвратимости наказания и направлены на изменение правового положения лица, совершившего запрещенное деяние. Также следует признать тот факт, что в логической импликации в качестве следствия выступает вторая часть правовой нормы, именуемая консеквентом, или диспозицией.

Изложенное позволяет предположить, что вторую часть уголовно-правовых норм, которые, также как и нормы других отраслей права, построены на основе сложного логического суждения имплицативного типа, следует называть не санкцией, как это принято в науке уголовного права, а диспозицией, на что указывалось выше.

Именно такой подход в наибольшей степени соответствует логическим конструкциям и позволяет унифицировано подходить к логической структуре правовой нормы в рамках всей системы права.

В зависимости от содержания гипотезы (основания) в качестве диспозиции (следствия) правовой нормы может выступать либо перечень положительных субъективных прав и обязанностей, приобретаемых субъектом гражданского права в случае социально допустимого поведения, либо перечень мер государственного принуждения (обязанностей отрицательного свойства), которые, будучи санкционированы государством, неизменно должны быть применены к лицу, совершившему социально недопустимое деяние, обязанному под принуждением претерпеть предусмотренные диспозицией правовой нормы меры государственного воздействия, применяемые к субъекту в рамках возлагаемой на него юридической ответственности. При этом под юридической ответственностью следует понимать возлагаемую на правонарушителя субъективную обязанность претерпеть предусмотренные диспозицией правовой нормы, санкционированные государством и принудительно применяемые неблагоприятные последствия совершенного деяния морального (предупреждение, ограничение правоспособности), физического (ограничение свободы, лишение свободы, смертная казнь и др.) или имущественного (штраф, конфискация) свойства, направленные на изменение правового положения виновного лица, в пределах, соразмерных вреду, причиненному охраняемым общественным отношениям, и соответствующие социальным качествам нарушителя.

Санкцией, применительно к изложенному выше определению понятия «юридическая ответственность», следует именовать содержание применяемых государством мер принудительного воздействия.

Норма права, отмечает А.Ф. Черданцев, «<...> складывается из двух взаимосвязанных частей. Первая часть описывает в обобщенном плане ситуацию, условия, факты, на которые распространяется ее действие. Вторая часть указывает на юридические последствия <...>, наступающие при наличии условий, указанных в первой части» [22, с. 214].

Указывая исключительно на двухэлементную структуру правовой нормы и отмечая тот факт, что «трехчленная структура – это структура нормы, реально не существующей, созданной путем искусственного соединения двух норм – регулятивной и охранительной», А.Ф. Черданцев, также как и представители уголовно-правовой науки, классифицирует правовые нормы на регулятивные и охранительные, отмечая, что в регулятивных нормах их части называются гипотезой и диспозицией, а в охранительных – диспозицией и санкцией [22, с. 214]. Позицию А.Ф. Черданцева разделяет А.С. Пиголкин, который также настаивает на двухэлементной структуре правовой нормы и поддерживает утверждение, согласно которому регулятивные нормы состоят из гипотезы и диспозиции, а охранительные – из диспозиции и санкции [23, с. 156].

Таким образом, подмену названия элементов правовой нормы, являющуюся, по нашему мнению, необоснованной, проводят не только представители уголовно-правовой науки, но и науки «теория права».

Соглашаясь с точкой зрения названных ученых о двухэлементной структуре правовой нормы, следует

возразить относительно поддерживаемого ими названия ее частей. По нашему мнению, независимо от классификации правовых норм на регулятивные и охранительные и, следовательно, их предназначения в механизме правового регулирования, логическая структура правовой нормы и, соответственно, названия ее элементов должны оставаться неизменными.

Изменяется лишь наполняющее такие элементы содержание – либо разрешенная модель поведения и его позитивная государственная оценка, выраженная в необходимом субъекту изменении его правового положения, либо запрещенная модель поведения и его негативная государственная оценка, выраженная в принудительном изменении правового положения субъекта в сторону ухудшения по сравнению со стандартно допускаемым государством. При этом классификацию правовых норм на регулятивные и охранительные следует проводить исключительно по содержанию их гипотезы и диспозиции.

Закрепленная в правовой норме модель разрешенного поведения и положительные юридические последствия такого поведения указывают на то, что норма является регулятивной, а модель запрещенного поведения и его негативные последствия (негативная оценка такого поведения государством) указывают на то, что норма является охранительной.

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что все правовые нормы-суждения, безотносительно их отраслевой принадлежности, состоят из двух элементов, что соответствует структуре используемого при их построении сложного условного логического суждения имплицативного типа, построенного по модели «если – то», которое «учеными всего мира <...> составляется из двух элементов – 1) основания, или антецедента <...> суждения и 2) следствия, или консеквента суждения. Суждения типа «если – то – иначе санкция», на что обращает внимание В.А. Белов, науке логики незнакомы, поскольку таковое представляет собой объединение элементов двух различных имплицативных суждений <...>» [12, с. 242–243]. «Из четырех элементов двух норм, отмечает Н.П. Томашевский, искусственно конструируются три элемента одной нормы, так как оба элемента второй нормы (гипотеза и диспозиция) искусственно превращаются в санкцию первой нормы» [24, с. 219].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что анализ правовых норм-предписаний, закрепленных в Гражданском кодексе, Уголовном кодексе, Кодексе об административных правонарушениях и иных норм-предписаний, показывает, что все они, как правило, имеют двухэлементную структуру.

Сделанный нами вывод подтверждается даже тогда, когда одна норма-суждение составляется из нескольких и даже из многих норм-предписаний, закрепленных в разных статьях нормативного правового акта, что особенно ярко выражено в системе гражданско-правовых норм.

В заключение следует привести высказывание А.Ф. Черданцева, согласно которому «учение о двухчленной норме исходит из того, что отдельная норма – это часть системы, она регулирует общественные отношения во взаимосвязи с другими нормами. По этому учению норма права с логико-языковой точки зрения – это высказывание, мысль о должном или возможном поведении, выраженное во вне с помощью языка» [3, с. 51].

«Учение о двухчленной структуре, продолжает А.Ф. Черданцев, просто, естественно, удобно, не вызывает затруднений у истолкователя нормы, ибо соответствует реальным нормам права» [3, с. 52].

Список использованных источников

1. Поляков, А.В. Общая теория права : Курс лекций / А.В.Поляков. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.
2. Жицинский, Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права / Ю.С.Жицинский. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1968. – 123 с.
3. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф.Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
4. Гражданское право : актуальные проблемы теории и практики / В.А.Белов [и др.] ; под ред. В.А.Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
5. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С.Иоффе, М.Д.Шаргородский. – М. : Юрид. лит, 1961. – 381 с.
6. Теория государства и права : учебник / В.К.Бабаев [и др.] ; под ред. В.К.Бабаева. – М. : Юристъ, 2002. – 592 с.
7. Голунский, С.А. Конспект лекций по курсу теории государства и права / С.А.Голунский, М.С.Строгович. – М. : Академия, 1940. – 144 с.
8. Проблемы теории государства и права : учеб. пособ. / М.Н.Марченко [и др.] ; под ред. М.Н.Марченко. – М. : Юристъ, 2001. – 656 с.
9. Grimm, D.D. Энциклопедия права : Лекции Д.Д.Гримм. – СПб., 1895. – 238 с.
10. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права : в 4-х кн. (по изданию 1914 г.) / Н.М.Коркунов. – М. : Статут, 2003. – Кн. 2: Объективная и субъективная сторона права. – 430 с.
11. Основин, В.С. Нормы советского государственного права / В.С.Основин. – М., 1963. – 110 с.
12. Белов, В.А. Гражданское право : Общая часть : учебник / В.А.Белов. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1: Введение в гражданское право. – 521 с.
13. Шапп, Я. Система германского гражданского права : учебник / Я.Шапп ; пер. с нем. С.В.Королева. – М. : Междунар. отношения, 2006. – 360 с.
14. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы / О.Э.Лейст. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 240 с.
15. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В.Лазарев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.
16. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова ; РАН, Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
17. Лившиц, Р.З. Теория права / Р.З. ивщиц. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.
18. Логика : учеб. пособ. / В.Ф.Берков [и др.] ; под ред. В.Ф.Беркова. – Минск : Выш. шк., 1994. – 296 с.
19. Бартон, В.И. Логика : учеб. пособ. / В.И.Бартон. – Минск : Новое знание, 2001. – 333 с.
20. Кириллов, В.И. Логика : учебник / В.И.Кириллов, А.А.Старченко. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1998. – 254 с.
21. Саркисова, Э.А. Уголовное право : Общая часть : учеб. пособ. / Э.А.Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 590 с.

22. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф.Черданцев. – М. : Юрайт-М, 2001. – 432 с.
23. Общая теории права : учебник / А.С.Пиголкин [и др.] ; под ред. А.С.Пиголкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : МГТУ им. Н.Э.Баумана, 1996. – 384 с.
24. Томашевский, Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Н.П.Томашевский // Вопросы общей теории советского права : Сб. статей. – М., 1960.